

У ПОДРМІЛІА
ТОЛМАЧЕВА
Школа
нашої любови

Людмила Толмачева

Школа нашей любви

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Толмачева Л. С.

Школа нашей любви / Л. С. Толмачева — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Лида Столбова считает, что ее муж бесхребетный неудачник, а их жизнь скучна и однообразна. Лида критикует мужа за равнодушие к карьере и занудный характер. После очередной семейной ссоры она идет по улице и неожиданно встречается с бывшим одноклассником. Влюбленный в нее мальчишка превратился в респектабельного мужчину. Эта встреча многое изменит в Лидиной жизни. Вспыхнет роман, распадется семья. А у сына-десятиклассника свои проблемы – ссора с лучшим другом и безответная любовь. Испив чашу бед и разочарований, Лида поймет, с кем она была по-настоящему счастлива.

© Толмачева Л. С.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Людмила Толмачева

ШКОЛА НАШЕЙ ЛЮБВИ

Ей хотелось, чтобы дверь грохнула как артиллерийский залп, чтобы железный лязгающий стук разнесся по всем этажам и достиг ушей этого верблюда! Этого ленивого, тупого, спесивого животного!

Ан, нет! Проклятый доводчик погасил удар: дверь, которую Лида толкнула изо всех сил, закрывалась до противного медленно, на прощанье жирно чавкнула и даже, как показалось, злорадно усмехнулась.

Ну, ничего! Она еще отыграется! И на этой гадкой двери, и на верблюде!

Лида шла по осенней улице, не замечая ни липкой россыпи затяжного дождя, ни взглядов прохожих, ни мелькания огней на мостовой. Ее распирали гнев, внутри все клокотало и рвалось наружу. Сейчас бы закричать во всю глотку или зарыдать...

Но голос разума, как обычно, держал эмоции под замком. Единственное, что было доступно и давало возможность выпустить пар, это стремительно шагать по мокрому асфальту, мимо равнодушной толпы и холодного света витрин, шагать без цели, без остановки, не сбавляя скорости, ощущая внутри колющий ком обиды.

Конечно, можно воспользоваться мобильником – набрать номер Нонки или Аглаи и выложить все, что переполняло душу. Такое было уже не раз. И помогало. И пусть Нонка слушала вполуха, подавляя зевоту, а Аглая так вообще молчала все время, пока длился трагический монолог, и лишь в конце, после многозначительной паузы, выдавала неизменное резюме про благодать женского долготерпения и умение лавировать в штормящем море семейных отношений.

Что ж, ее подруги были не совсем искренни, и даже где-то в глубине души злорадствовали, пусть! Такова женская натура. Она сама из того же теста и все понимает. И ей приходится выслушивать откровенные до цинизма жалобы замужней Нонны и скучные, как гардероб старухи, рассуждения одинокой Аглаи. И сочувствовать, и давать советы, понимая всю их никчемность.

Но все же лучше так, чем держать под спудом накопившуюся боль.

А сегодня, кажется, не тот случай. Предположим, она позвонит той же Нонке. И что скажет подруге нового? Как ей тяжело жить со своим мужем? Но об этом давно известно – тема обмусолена со всех сторон и, похоже, изрядно поднадоела. Есть, правда, нюансы, но их-то как раз выкладывать не хочется. Это все равно что донага раздеться на городской площади – стыд и позор. И вправду, случай для телефонной болтовни неподходящий.

Лида замедлила шаг, перевела дыхание, окинула тоскливым взглядом улицу.

Слева, преодолевая пробку, тянулась бесконечная вереница автомобилей. Дождь-зануда по-прежнему моросил, и вызывающе сияли рекламные огни, отчего все вокруг сверкало разноцветным бисером. Люди, укрывшись зонтами, торопились домой.

В уют и тепло, с завистью подумала Лида.

Из булочной вышел мужчина в сером стильном пальто и повернул навстречу Лиде. Она прошла мимо, окинув человека в сером рассеянным взглядом и невольно отметив его притягательный парфюм, и вдруг резко остановилась – за спиной кто-то мягким, но звучным баритоном произнес ее имя. Она оглянулась – мужчина в элегантном пальто смотрел на нее и улыбался.

– Неужели я так изменился, что одноклассники уже не узнают?

– Женья? Это ты? – севшим голосом произнесла она.

Радостные эмоции давались с трудом – настолько глубоко проросли в ней уныние и безысходность. Очевидно, ее скупая реакция разочаровала Евгения, веселое оживление на лице погасло.

Он кашлянул, вежливо спросил:

– Ты торопишься? Извини, невовремя подвернулся...

– Господи! Женька! Да что ты такое говоришь? – очнулась Лида, растягивая непослушные губы в улыбке.

– А я тебя сразу узнал, – сдерживая волнение, произнес бывший одноклассник и шагнул к неподвижно стоявшей Лиде.

– А ведь ты и в самом деле изменился, – прищурилась она, разглядывая мужчину как манекен в витрине. – Такой... весь из себя... И прикид... И прическа... Я уж молчу про французский парфюм.

– Что? Сильно разит? – усмехнулся он и, словно оправдываясь, пояснил: – Коллеги на день рождения подарили, да еще всего с ног до головы опрыскали... Ха-ха! Как колорадского жука на картошке.

– Не прибедряйся, – не без лукавства осадила его Лида. – Туалетная вода – суперкласс, и выбирала ее, наверняка, какая-нибудь юная, но продвинутая претендентка.

– Претендентка? – удивился Евгений, но чертики в его глазах так и плясали.

– Вот-вот, – слегка язвительно сказала Лида и повторила: – Не прибедряйся.

– Ладно, не буду, – примиряющее согласился одноклассник и вдруг посерьезнел: – А ты как? Я имею в виду, как живешь? Семья, дети?

– Угу. Все как полагается в моем возрасте. Муж и сын. Шестнадцать лет парню. В десятом классе уже.

– А моей Ксении четырнадцать.

– Наверное, модница и красавица?

– Наверное, – пожал плечами Евгений и, заметив Лидино недоумение, улыбнулся: – в Лондоне она учится, в колледже. Видимся не часто, да и то в основном по скайпу.

– Понятно.

Они замолчали. Лида, опустив глаза, задумчиво теребила край шарфа, а Евгений украдкой изучал ее лицо.

Нет, оно не постарело. Не обрюзгло, не покрылось морщинами, но что-то в нем было такое, не поддающееся описанию... Может, усталость?

– Жень, а ты счастлив? – вдруг спросила она.

Вопрос застал его врасплох. Своей неожиданностью, необычностью – не каждый день спрашивают об этом, – и еще тем, что задала его она, Лида, самая красивая девочка в их классе, самая замечательная, самая...

– Что? Счастлив? Ну... как-то неожиданно. Я давно...

– Прости. Можешь не отвечать. У меня случайно вырвалось. Просто я подумала... А! Уже не важно.

– Да нет. Чего там. Я могу ответить. И не на такие вопросы приходится отвечать. Я...

– Не надо, Жень. Я, наверное, пойду. Поздно уже.

– Ты с работы? Кстати, где работаешь? Кем? Если не секрет...

– Да какой секрет? Преподаю в детском доме творчества. Дизайн.

– Это где-то здесь, в этом районе?

– Ну да. На Сиреневой. А ты что... Тоже в этом районе?

– Нет. То есть, да... Короче, квартирушечку здесь прикупил. Так сказать, запасной аэродром...

– Хм. Понятно.

– Нет, ты не подумай... Никакого криминала...

– Боже мой! Да не оправдывайся ты! Какое мое дело, собственно...

– Нет, но... Я все же объясню. Вот ты спросила: счастлив ли я? Могу прямо ответить, без всяких ужимок и прыжков. Нет счастья, Лида.

– Но есть покой и воля? – не скрывая сарказма, усмехнулась она.

– Вот именно. Покой и воля, – сдержанно подтвердил Евгений. – Ты даже не представляешь, каким трудом они мне достались. Какой кровью. Я теперь на мир по-другому смотрю. Он, оказывается, большой и яркий. Для тебя он, может, всегда таким был, а мне открылся совсем недавно.

– Но почему? – заинтересованно подалась к нему Лида, пристально всматриваясь в возмужавшее лицо одноклассника.

– Почему? Тут нет никакой тайны. Наоборот. Все проще пареной репы. Мы с женой разные люди. Настолько разные, что просто поражаюсь – как меня угораздило на ней жениться! Ведь то, что меня бесит в ней, я и раньше замечал, до свадьбы еще. Увы! «Рассудок сумрачный молчит, когда свой адский бал вершит и побеждает голос плоти».

– Ну, ты и сказал!

– Это крик души, Лида. Я долго терпел. Почти семнадцать лет. Но всякому терпению, как известно, есть край. И я дошел до этого края. Если бы не квартира, которую купил два года назад, не знаю, чем бы все закончилось...

– А просто разойтись ты не пробовал?

– Хм. Для кого-то это самый простой выход, но не в моем случае. У нее инвалидность... По моей вине. В ДТП попали. Я отделался царапинами, а у жены сотрясение мозга, несколько переломов. Еле выкарабкалась.

– Сочувствую.

Они вновь замолчали. Лида вдруг недобро подумала, глядя на презентабельный вид одноклассника, что ничего не меняется в этом жестоком мире. Женщины стареют, болеют, становятся обузой для мужчин, которые с годами лишь набирают и во внешности, и в значении... Ишь, какой «мажор» стоит! Вальяжный, холеный... Кто бы мог подумать, что из худого нескладного подростка получится такой денди.

– Лид, тебя проводить? – прервал ее размышления Евгений. – Поздно уже.

– А? Нет! Что ты! Мне тут... недалеко. Я пойду. До свиданья, Женя.

– Постой! Как же так? Двадцать лет не виделись, даже не поговорили толком и разбежимся в разные стороны?

– А о чем говорить? Вспоминать школу? Что-то не хочется. И погода не располагает...

– Может, в кафе зайдём?

– Ну вот еще! Я не одета, без макияжа и вообще...

– Да-а, аргументы тяжелые, – усмехнулся Евгений. – А мое мнение тебя не интересует?

– Какое мнение?

– Ты по-прежнему красивая, даже ненакрашенная, – с ласковой интонацией произнес он, и лицо его озарилось юношески открытой улыбкой.

– Ну, ты скажешь, – смутилась Лида, тронутая то ли комплиментом, то ли этой неожиданной улыбкой.

– А знаешь что? Поехали ко мне? Чего мы мокнем под дождем? Машина здесь, на стоянке. Хлеба я купил, нарежем бутербродов, пожарим яичницу. Идет?

– Ну, я не знаю... Поздно уже. Все это на авантюру смахивает...

– Брось комплексовать! Едем!

Он подхватил растерявшуюся Лиду под руку и решительно повел в сторону ближайшей парковки.

* * *

– Ничего что я так наворачиваю? Честно говоря, с утра ни маковой росинки. Да и утром только кофе и сигарета – вот и весь завтрак.

– Ешь, ешь.

Лида заботливо подкладывала в его тарелку то ломтик колбасы, то салат из огурцов, сама же маленькими глотками пила остывший чай.

В душе у нее творилось нечто странное: чувства наплывали одно на другое, не успевая толком оформиться, обрести внятную суть и законченность. Ей было неловко в этой квартире, рядом с бывшим одноклассником и в то же время по-домашнему уютно и тепло. С одной стороны, она любовалась новым обликом Евгения, превратившегося за эти годы из «гадкого утенка» в уверенного и сильного мужчину, с твердым взглядом и жесткой линией губ. И в то же время ей претило его отношение к жене-инвалиду. Ведь виновником аварии был он сам. А теперь, видите ли, устал от жены, от домашних забот и скрывается в этом шикарном жилье.

Квартира-студия была довольно просторной, дизайнерски решенной, оборудованной новейшей электроникой. На стенах висело несколько живописных полотен, выполненных в абстрактной манере.

На вопрос Лиды, чьих кистей картины, Евгений почему-то смешался, ответил не сразу, дескать, это малоизвестный молодой художник, о котором она вряд ли слышала. Улучив момент, Лида смогла разобрать мелкий шрифт факсимиле, отображенного в нижнем углу одной из картин. Молодым художником оказалась некая Анита Самойлова.

И вновь внутри шевельнулось что-то неприятное. Почему он не ответил прямо, как есть. Мол, картины написала Анита Самойлова, молодая и талантливая художница. Получилось, будто выкручивался, боялся сказать правду.

«Господи, ну не жена ведь я ему, и не любовница, – усмехнулась Лида, – зачем передо мной-то юлить».

Так и сидела за столом, прихлебывала холодный чай, путаясь в ощущениях и мыслях.

А Евгений тем временем насытился, попросил разрешения закурить, и, откинувшись на спинку стула, пустился в воспоминания юности.

– А помнишь новогодний бал в десятом классе?

– Бал? – рассеянно переспросила Лида. – Да, помню. А что?

– Как мы с тобой зажигали, а? Наш испанский танец. Публика редела от восторга. И главное, не репетировали, чистый экспромт.

– Ну я бы не назвала это танцем, – скептически пожала плечами Лида. – Так, несколько телодвижений под хабанеру.

– Но зал рукоплескал.

– Просто никто не ожидал от нас. Прикинь: весь класс – в костюмах из оперы «Кармен», входим в зал, напевая «У любви как у пташки крылья». Учителя были в шоке.

– А помнишь как Сашка Головин «пустил петуха», вытягивая «так берегись любви моей»?

– Ха-ха-ха! Да уж, прикольно.

– Нет, что ни говори, а класс у нас был супер. Сплошной креатив! Просто фонтанировали идеями.

– А сколько талантов! Ивлев стихи писал, Галка Носенко на фоно играла, ты на гитаре. Кстати, что-то не вижу инструмента. Забросил?

– Давно. Еще в универе.

– Жаль. У тебя хорошо получались дворовые романсы. До сих пор в ушах «Голуби». Помнишь?

– Еще бы. «Тише, люди, ради Бога, тише! Голуби целуются на крыше». Увы, детство кончилось. Не вернешь.

Он ностальгически вздохнул, красивым движением стряхнул пепел, затуманенными глазами посмотрел куда-то в окно.

Лида поймала себя на том, что ей нравится смотреть на Женю. Куда исчез тот неуклюжий, вечно стесняющийся паренек, краснеющий от ее случайного взгляда? Сейчас перед ней классный мужик – поджарый, широкоплечий, элегантный. Взять его одежду. Казалось бы что особенного – синяя с белым рубашка-поло и джинсы. А как сидят! Или манера курить – чуть небрежная, с ленивым прищуром – откуда она? Когда он обрел непринужденность движений, гармонию внешней и внутренней сущности?

Именно эта гармония делает человека красивым и обаятельным, сделала она вывод и вдруг встретила с его внимательным изучающим взглядом. Смутилась, резко поднялась, машинально поправила кофточку, начала убирать со стола. Под его взглядом движения стали неестественными, скованными, даже, как ей мнилось, смешными. Пару раз она роняла ложки, затем споткнулась, выплеснула остатки чая на пол, тут же поспешила исправить оплошность – наклонилась с тряпкой и ударила бедром о край стула.

– Я как слон в посудной лавке, – выдавила она смешок, искоса взглянув на Евгения.

– Наоборот, – глухо возразил он. – Ты все такая же. Легка и грациозна. Я помогу тебе.

Они молча вымыли посуду, убрали ее в шкаф, протерли столы.

– Ну, вот и порядок. Я пойду. Уже совсем поздно, – снимая фартук, сказала Лида.

– Я отвезу тебя.

В его тоне не было прежней уверенности.

Ему что, лень? Ну и не надо!

Лида бросила фартук на спинку стула и пошла в прихожую. Он шел следом, остановился за ее спиной, вплотную.

– Лид, может, останешься?

– Что?! Я не понимаю тебя, – холодно бросила она и потянулась за беретом, лежащим на полке.

Обеими ладонями он обнял ее за талию, развернул к себе, хрипло прошептал:

– Разве ты ни о чем не догадывалась?

– Отпусти! Зачем это? – вырывалась она из его рук, но тщетно.

– Ведь я любил тебя, – с жаром, торопливо объяснялся одноклассник. – Много лет. А в десятом, после того бала, я не спал всю ночь. Перед глазами была ты, в алой блузке с глубоким вырезом, с розой в волосах. Ты сама была как роза. Нежная, благоуханная...

– Женя, прекрати!

Но он уже целовал ее, крепко прижимая к себе. Она отчаянно вертела головой, пытаясь вырваться, оттого поцелуи приходились на щеки, нос, уши. Наконец, его губы поймали ее рот, впились с жадностью и долго не отпускали. Это был безответный поцелуй.

Когда он освободил ее из объятий, реакция была неожиданной. Лида провела ладонью по своим губам, горько усмехнулась:

– Помнишь из анекдота? «Розу сорвал не ты...» Ну и так далее. Я пойду, Женя. Не надо... Так было легко, уютно, а теперь...

– Погоди. Дай мне сказать! Понимаешь, я должен высказаться. Столько лет это было тайной. Черт! Мелодрама какая-то! Но как по-другому? Я даже Лехе, другу своему, боялся сказать. А уж тебе и подавно. Так и ходил, пристукнутый мешком из-за угла. На уроках ни фига не соображал, на тебя пялился. Вы с Лариской через одну парту от нас были... Сажу на какой-нибудь математике, класс интегралы с дифференциалами мучает, а я, как лох, балдею с тупым видом, на твои волосы люблюсь. На солнце они медью отливали, а на самой макушке такой пушок в виде нимба клубился...

Опустив голову, Лида слушала его признание. Испытывала ли она блаженство или на худой конец гордость избранницы? Нет. Только горечь и сожаление. Ведь она знала, видела, чувствовала его любовь, но оставалась к ней равнодушной. Даже избегала его.

А он все говорил, не мог остановиться:

– Сейчас увидел эти твои волосы с рыжим отливом, у меня что-то перемкнуло... Внутри такое творится – не передать. Ты не бойся, я приставай больше не буду. Извини, не сдержался. Вообще я по натуре сдержанный чувак, мне привычнее женская инициатива...

Ее слегка царапнули последние слова Евгения. Лида подняла голову, чтобы заглянуть в его глаза. Но в их чистой синеве не было ни мужского бахвальства, ни насмешки – ничего такого, что она так ненавидела в своем муже.

– Моей инициативы ты не дождешься, – парировала она и тут же смягчила фразу: – Я не привыкла атаковать мужчин. Жень, ты не отвезешь меня? Уже поздно, меня, наверняка, потеряли.

– Разумеется. Давай я помогу тебе.

Он помог ей одеться, при этом чуть-чуть задержав теплые ладони на ее плечах, затем накинул куртку и, не застегнувшись, первым вышел на лестничную площадку.

* * *

С утра у Лиды были занятия. Она ждала учеников в своей просторной, с тремя огромными окнами мастерской и вновь вспоминала вчерашнее приключение.

Для кого-то нечаянная встреча с одноклассником и скромное чаепитие в его доме – обычное дело, мало ли таких случаев в жизни, но для нее это было событие, оставившее глубокий след. Да и зачем лукавить? Скромным то чаепитие не назовешь. Особенно его финал. Ей давно никто не признавался в любви. Она не помнит, когда ее обнимали с такой страстью, так насытно целовали. Перед мысленным взором маячило грустное лицо Жени, а в ушах звучала одна и та же фраза: «Ты и сама была как роза. Нежная, благоуханная...»

Ее не корбила ходульность сравнения с розой – веками повторяемые слова, звучавшие из уст миллионов мужчин. Какое ей дело до тех женщин, кому посвящались эти слова. Вчерашним дождливым вечером они предназначались только ей.

Она впервые задавала себе вопросы, ответов на которые не было. Ну почему в юности девушка так глупа? Отчего не замечает она истинную любовь, не ценит дарованное судьбой самое чистое и неповторимое чувство?

Ах, как бездарно промелькнула ее юность! С кем поделила она свои лучшие годы, кому доверила девичью нежность и мечты? Да никому! Добровольной затворницей просидела в тесной комнатке, за письменным столом с тетрадями и учебниками, до самого пятого курса института. А потом вышла замуж за человека, как оказалось, чужого, неинтересного, родила ребенка и уже окончательно превратилась в наседку, жизненный круг которой суетен и незатейлив.

В глаза ударил солнечный луч. Щурясь от ослепительного света октябрьского солнца, Лида выглянула в окно. Там разгорался чудесный день. От вчерашнего уныния не осталось и следа. Асфальт просох, на домах и деревьях играли веселые зайчики, тонкая лазурь неба как будто и не знала нашествия серых туч – победоносно сияла первозданной чистотой, маня в свои высоты последние стаи птиц.

Первыми в комнату вошли две девочки, поздоровались, зашушукались о чем-то своем. За ними шумно и напоказ беспешабно ввалилась стайка мальчишек.

– Здравсте, Лидия Петровна! – за всех поздоровался бойкий паренек, тряхнув белобрысой головой.

– Здравствуйте, – улыбнулась Лида. – Рада вас видеть.

Вскоре за всеми столами сидели дети, и началось занятие.

– Сегодня у нас новая тема, – обедя группу двенадцатилетних дизайнеров внимательным взглядом, начала Лида. – Она называется: «Моя комната». Перед вами рабочий материал и необходимый инструмент. С помощью этих средств вы должны изобразить интерьер комнаты, в которой живете. Сначала нарисуйте комнату на бумаге, тогда легче будет воспроизвести интерьер в пластилине. Всем понятно задание? Да, Рита! О чем ты хотела спросить?

Одна из девочек, что пришли первыми, звонко затараторила:

– А мы вместе с сестрой живем в комнате. Это тоже считается?

– Ну, конечно считается. У вас, наверное, есть своя кровать, свое место за столом. Ведь так?

– Да. У нас даже два стола, – похвастала девочка. – И два кукольных дома.

– Ха! Ты чо, Кошкина, еще в куклы играешь? – насмешливо пробасил белобрысый мальчик, оторвавшись от листа бумаги, на котором рисовал зеленым фломастером.

– А вот и играю! Тебе-то что? – обиделась Рита и показала белобрысому язык.

– Эдик! – перешла на строгий тон Лида. – Не отвлекайся, а то не успеешь закончить работу.

– Ничего, успею, – проводя горизонтальную линию красным фломастером, ответил Эдик. – А можно я комнату будущего изображу?

– Нет. Комната будущего – это следующая тема.

– Ладно.

Эдик скорчил недовольную рожицу и громко зашептал своему другу, Андрею Таранову:

– На фига мне моя комната! Чо я в ней не видел? Тоже мне, интерьер! Лучше бы комнату в космической станции задали...

– Гурин! – сурово сдвинув брови, окликнула болтуна Лида. – Или ты работаешь, или я отправлю тебя домой.

– А чего? Я ничего, – округлил глаза нарушитель порядка. – Я уже почти нарисовал, сейчас лепить буду.

– Это было последнее замечание. Ты понял? – не сдавалась Лида.

– Угу, – кивнул Эдик, меняя красный фломастер на фиолетовый.

Лида покинула свое место, чтобы понаблюдать за тем, как движется работа. Возле стола Риты она задержалась.

– Рит, тебе не кажется, что кровати чересчур большие? Ведь в интерьере очень важно соблюдать пропорции...

– Ой, правда, – расстроилась Рита. – А я, главное, не пойму, почему один стол вошел, а второй никак не влазит.

– Ничего страшного, – успокоила ее Лида. – Можно уменьшить. Комната у тебя какой длины?

– Не знаю. Наверное, пять метров.

– Так. А кровать обычно двухметровая. Значит, она короче стены во сколько раз?

– В два с половиной раза, – ответил за Риту неугомонный Эдик. – Тоже мне, Маша и три медведя. Наворотила гигантских кроватей. Кто спал на моей кровати и сломал ее?

Все ребята дружно рассмеялись, даже Рита не выдержала, прыснула в кулачок.

– Лидия Петровна! А мне пластилина не хватает, – плаксивым тоном сообщила черноволосая худенькая девочка в розовом свитере. – У меня шкаф маленький получается.

– Возьми на стеллаже, Ева, – подсказала Лида.

– Еще одна гигантоманка, – фыркнул Эдик и покосился на Андрея.

Тот засмеялся, наклонившись над столом, да видно не рассчитал, задел свою пластилиновую конструкцию, уронил предметы.

– Блин! – вырвалось у Андрея. – Все из-за тебя, Эдька! Кончай смешить!

– Андрюша, ты не помнишь, о чем мы договаривались? – спокойно поинтересовалась Лида.

– А что я сделал? – вытянул веснушчатое лицо паренек.

– И все же. Ты понял, о чем я?

– Понял, – после паузы, тихо ответил Андрей и покраснел.

Лида подошла к нему и слегка потрепала за плечо, затем обратилась к его другу:

– Так, а у тебя, Эдик, все предметы вошли? Ну-ка, покажи, что получилось?

Мальчик не без гордости приподнял над столом доску с поделкой, чтобы всем было видно. Лида наметанным глазом сразу увидела ошибки, но ее поразил общий вид комнаты Эдика – гармоничный, уютный.

– Неплохо, – сухо вато похвалила она. – Но есть ошибки. Посмотри внимательно, сам ты ничего не замечаешь?

– В смысле? – по-взрослому уточнил Эдик.

– В смысле пропорций, – в тон ему ответила Лида.

– Пропорций? – наморщил лоб юный дизайнер, разглядывая свое изделие со всех сторон. – Та-ак... Посмотрим... А-а! Понял! Вы имели виду торшер, Лидия Петровна? Его высоту?

– И не только, – усмехнулась Лида. – Что-то мне не приходилось видеть на письменном столе телевизор.

– Телевизор? Да это же... этот... планшетник!

– А его размеры?

– А-а! – протянул Эдик и стукнул ладонью себе по лбу. – Семен Семеныч! Щас, исправим.

– Наворотил гигантских планшетников, – не преминула съязвить Рита. – Гоблин по имени Эдуард.

– Но-но! Потише там, кукольный домик! – весело огрызнулся Эдик.

– Ребята! – прикрикнула Лида. – Уважайте труд своих коллег, тогда с уважением отнесутся к вам. А у тебя, Катюша, как дела?

Бледнолицая девочка с тощими косичками нерешительно вертела в пальцах серый брусок, очевидно, в чем-то сомневаясь.

– Та-ак. Давай вместе подумаем, – предложила Лида, присаживаясь возле Кати. – На чем ты остановилась? Шкаф-купе? А двери у него зеркальные?

– Угу, – робко подтвердила девочка.

– Значит, какого цвета возьмем пластилин?

– Серого, – неуверенно прошептала Катюша.

– А я бы, например, использовала слоновую кость. Так будет наряднее. Согласна?

– Угу.

– Ну, вот и разобрались.

Лида направилась к своему столу и услышала за спиной девичий ехидный шепоток:

– Учись, как надо. Вся из себя – муси-пуси... Таким вечно помогают.

Не выдержав, Лида оглянулась. Две девочки, только что, очевидно, шептавшиеся, опустили ресницы. Одна из них, Ева, сидела с капризно поджатым ртом, другая, по имени Полина, сердито косилась на Катю.

«Я их за несмышленишей держу, – подумала Лида, усаживаясь за стол. – А тут все по-взрослому: и ревность, и зависть, и даже ненависть».

Через полчаса занятие закончилось. Пряча улыбку, Лида наблюдала, как дети бережно ставят на полки новые поделки, как, уходя, подолгу любуются ими, запечатлевая в памяти творения своих рук.

Еву и Полину она проводила серьезным задумчивым взглядом.

* * *

Оладьи все время подгорали, так как хозяйка, занятая далекими от стряпни мыслями, не спешила переворачивать их.

– Мам, у тебя дым коромыслом. Смотри, соседи пожарных вызовут, – заглядывая в кухню, проворчал долговязый юноша с современной стрижкой.

– Что соседи? – рассеянно переспросила Лида, но тут же спохватилась, начала спешно переворачивать оладьи.

– Ты хоть бы окно открыла.

– Петь, открой, пожалуйста, сам. Видишь, у меня горит.

– Да уж вижу. Хоть топор вешай.

Петя поставил створку окна на проветривание, сел за стол, взял из блюда пышный оладий, откусил сразу половину.

– Мм! Есть можно, – невнятно пробормотал он. – Я думал, хуже будет.

– Ты же сам просишь все поджаристое, – оправдывалась Лида, наливая в раскаленную сковороду новые порции теста.

– Ладно, – смиростивился сын. – Не парься. Все о, кей. А молоко есть?

– В холодильнике. Вылей в кастрюлю, согреть надо.

– Вот еще! Горячие оладьи и холодное молоко – это ж самый кайф. Контраст, понимаешь?

– А если ангину подхватишь?

– Не бойсь. Не подхвачу. Я теперь на балконе гантели тягаю. В одних трусах, заметь. А температура там чуть выше, чем на улице.

– Каждое утро?

– Ну, не каждое... Если опаздываю, как-то не до зарядки, сама понимаешь.

– Если нет системы, то и толк не велик.

– Ничо, будет толк. Я, пожалуй, еще в самбо запишусь.

– Самбо? А не поздно?

– В профессиональное – поздно. А я одну школку надыбал, в Сети, Реклама гласит: для всех желающих повысить самооценку и научиться элементарной самозащите.

– Реклама обнадеживает. А это не халтура?

– Не-е, я уже сгонял туда, посмотрел на занятия. Все по уму. Не фуфлю какое-нить.

– Небось, дорого?

– Я уже с папиком перетер. Он профинансирует.

– Петь, ну когда ты из детства выйдешь? Папик... Это же несерьезно.

– А как мне его называть? Папа? Как-то язык не поворачивается. Батя? Тоже не очень. Димон зовет своего батей, так это нормально. Он у него офицер, клевый мужик, воевал...

– Разве обязательно нужно воевать, чтобы тебя уважал твой сын?

– Мам, а ты сама...

– Что «сама»?

– Ты уважаешь папика, ну, то есть отца?

Лида промолчала, не зная, что ответить, засуетилась со своими оладьями, скрывая замешательство.

– Мне кажется, что не очень, – ответил за нее Петя. – То ругаетесь, то молчите, будто в упор не видите друг друга. С вами сидеть в одной комнате – все равно что в трансформаторной будке жить.

– Значит, осуждаешь меня?

Лида выключила газ, повернулась к сыну. Юноша сосредоточенно жевал, запивая молоком, и старался не поднимать глаза. Лида словно впервые видела его острые скулы, мальчи-

шески тонкую шею с родинкой возле уха, всю его длинную нескладную фигуру, согнутую над кухонным столом.

Как он вытянулся за этот год, как изменился! Но главные изменения произошли внутри. Он стал больше видеть и понимать, многое подвергать сомнению.

Лида села напротив сына, машинально потянулась к блюду с оладьями, взяла первый попавшийся, надкусила.

– Петь, я знаю, ты осуждаешь меня. Наверное, это естественно в твоём возрасте. Тебе хочется мира в семье. Чтобы я уважала твоего отца... Но уважение надо заслужить...

– Только без нравоучений! – воскликнул Петя и резко отставил стакан. – Терпеть не могу эту нудятину! Хватит с меня нашей классной, ещё ты... Я без тебя знаю, кого и за что уважать!

– Ну и прекрасно, – как можно спокойнее произнесла Лида, хотя в душе у неё все перевернулось.

– Что прекрасно? – вновь взорвался юноша. – Что я не уважаю своих родителей? Что не могу позвать к себе друзей? Мне стыдно перед тем же Димоном... Да, стыдно, что мои родки как волки смотрят друг на друга. А! Чего там базарить!

Он вскочил, ринулся к двери, но Лида успела схватить его руку и силой удержать возле себя.

– Постой. Послушай меня, – сдавленно попросила она. – Я не заметила, как ты вырос, как повзрослел. Ну, не всем родителям дается мудрость. Так бывает. Не суди строго.

Твой максимализм...

– Да при чём тут ваш идиотский максимализм? – с недетской горечью отмахнулся Петя. – Мама, ты же взрослый человек. И даже с высшим образованием. Неужели тебе надо разжевывать простые истины?

– К-какие и-истины? – впервые в своей жизни заикалась Лида, глядя снизу вверх, на ставшего ещё выше сына.

– Простые, мама, – устало выдохнул он. – Не мир нужен нашей семье, и даже не пресловутое уважение, а любовь и тепло. Поняла? Душевное тепло!

Он выдернул свою руку и пошёл в свою комнату.

Оглушенная, она тупо смотрела в перспективу коридора, где за поворотом давно исчезла фигура сына. Вдруг из Петиной комнаты зазвучала музыка. Будто магнитом тянула к себе незнакомая мелодия. Неосознанно пошла мать к сыновней комнате, на эти волнующие звуки. У закрытой двери она остановилась, и в этот миг музыка оборвалась. Раздался Петин голос, бодрый, невозмутимый, словно и не было тяжелого разговора с матерью:

– Алле, Димоха! Привет! Я чо звоню – задачи решил? Ну ты даешь! Ладно, завтра перепру. Слушай, что за туса завтра наклеивается? Да? По поводу? И чо? Идем? Ну. А то!

Петина речь состояла в основном из сленга и междометий. Лида, пожав плечами, направилась к креслу, чтобы немного отдохнуть у телевизора, но вдруг услышала совсем уж невероятное – Петя читал стихи. Застыв на месте, мать жадно вслушивалась в ломающийся голос сына:

И все ж она в долгу передо мной:
Ей красота дана не от рождения,
А силой моего воображенья.

После паузы – очевидно, Петя слушал своего друга – до Лидино слуха донеслись смех и реплика, заставившая мать надолго задуматься:

– Кончай, Димоха. Какие наши годы. Через десять лет она состарится, вот тогда посмотрим, что важнее: фигура или интеллект. Про её IQ знают все. Хорош, не буду. Но ты трезво

посмотри: где ты и где она. Ты, Димон, к тридцатнику профессором станешь, а она в тираж выйдет, глянец-то сойдет... Лады... уже заткнулся. Ну, бывай.

* * *

Сквозь глухой обволакивающий гул торгового центра до нее не сразу дошел его голос. Сердце пропустило удар и учащенно забилося, когда она, оторвавшись от витрины с молочными продуктами, подняла голову и увидела Евгения.

– Женья? Привет! А я слышу – вроде кто-то зовет, но думаю – показалось.

– Здравствуй! Вот, решил наполнить холодильник. У меня там одна мышь, и та...

– Ой, не продолжай. Я их боюсь.

Они стояли друг против друга, разделенные длинной витриной, и молчали. В его взгляде читались ласка, вопрос и надежда, в ее – непокорность, быть может, готовая сдать позиции, и что-то еще, непонятное ему, но очень женственное и манящее.

– Лид, ты не уходи, я сейчас подойду, – попросил Евгений.

– Хорошо, – прозвучал ее снисходительный ответ.

Она сделала вид, что выбирает товар, пока он огибал эту проклятую шеренгу ларей, и лишь искоса взглянула на него, запыхавшегося от быстрой ходьбы и, должно быть, волнения.

– У тебя пустая корзина, – заметила она.

– Ну, да. А я... Это... Даже не знаю, что взять. Скоропортящееся – нет смысла, а так...

– Могу посоветовать, если не возражаешь.

– Буду очень признателен.

– Тогда начнем с консервов, – слегка назидательно, как с нерадивым учеником, заговорила Лида и первой направилась к стеллажам, пестревшим мозаикой из тысячи банок всех калибров и форм.

– Так, рыбные консервы, – кокетливо взмахнула рукой Лида. – Пожалуй, две банки тунца тебе не помешают.

– И я так думаю, – заулыбался Евгений, похоже, уже справившийся с волнением.

– Сардины тоже хороши, – добавила Лида и уверенно сняла с полки пару банок.

– Я бы и от бычков в томате не отказался.

– Отличный закусон? – усмехнулась она, вспомнив знаменитый номер Райкина.

– Ты не поверишь, – подыграл ей бывший одноклассник, складывая в корзину железные банки с бычками.

– А теперь перейдем к овощным консервам, – командовала, вошедшая во вкус, Лида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.